

А.Д. СЕМЕНОВА

*(Кемеровский государственный университет,
г. Кемерово, Россия)*

УДК 821.161.1 (Лермонтов М.Ю.)
ББК Ш5 (2Рос=Рус)

М.Ю. ЛЕРМОНТОВ И В.С. МАКАНИН: ТРАНСФОРМАЦИЯ КАВКАЗСКОГО СЮЖЕТА И РЕАЛИЗАЦИЯ МИФОЛОГЕМЫ ГОРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ

Аннотация. В статье представлен вектор развития кавказского сюжета в русской литературе через анализ произведений: «Кавказский пленник» А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого и «Кавказский пленный» В.С. Маканина. В работе выделены основные черты данного сюжета, в основе которого лежит мифологема горы.

Ключевые слова: мифологема, мифопоэтика, Лермонтов, Маканин, сюжет, Кавказ, гора.

Среди современных писателей, обратившихся к теме Кавказа, следует назвать В.С. Маканина. Кавказ не раз появляется в его произведениях («Кавказский пленный», «Асан»). Надо полагать, интерес писателя к данному локусу вызван не только его «популярностью» как среди классиков литературы, так и среди современных политиков, но и тем, что это пространство традиционно экзистенциальное для героя русской литературы, поскольку связано со столкновением персонажа с миром войны, миром чуждых мировоззрений и верований. В текстах произведений о Кавказе у Маканина присутствует диалог с русской классической традицией. Наиболее заметно он проявился при обращении к сюжету о кавказском пленнике¹.

Формирование его происходило в русской литературе, начиная с поэмы А.С. Пушкина «Кавказский пленник» (1822).

Но европейца всё вниманье
Народ сей чудный привлекал.
Меж горцев пленник наблюдал
Их веру, нравы, воспитанье,
Любил их жизни простоту,
Гостеприимство, жажду брани,

---

¹ Семенова А.Д. Кавказский сюжет в русской литературе: от романтизма к постмодернизму // Традиции и инновации в филологии XXI века : взгляд молодых ученых. Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та, 2012. URL: philology.tsu.ru/conference/

Движений вольных быстроту,
И легкость ног, и силу длани;
Смотрел по целым он часам,
Как иногда черкес проворный,
Широкой степью, по горам,
В косматой шапке, в бурке черной,
К луке склоняясь, на стремяна
Ногою стройной опираясь,
Летал по воле скакуна,
К войне заране приучаясь.
Он любовался красотой
Одежды бранной и простой.²

Пушкин закладывает основные компоненты кавказского сюжета: 1) русский на территории Кавказа, который поражен и увлечен красотой местности, величием гор, интересуется народом и его обычаями; действие разворачивается в экзотическом, диком пространстве, где свобода и воля соседствуют с жестокостью горцев; 2) разочарованный герой; 3) любовная коллизия; 4) мотивы бегства, пленения, войны, свободы и предательства.

Для Лермонтова поэма «Кавказский пленник» Пушкина послужила сюжетной основой, которую он развивает и дополняет. При сохранении заданных Пушкиным узловых моментов, Лермонтов в своей ранней поэме «Кавказский пленник» (1828) по-своему изображает романтическую ситуацию бегства героя. Сюжетное различие поэм базируется на следующих моментах: главный герой погибает от рук отца спасительницы, при этом отец ненавидит дочь (усложняется мотивный план); черкешенка бросается в воду не только потому, что она отвергнута, но и потому что возлюбленный мертв, то есть ее старания, предательство прошли даром; у Лермонтова нет биографии разочарованного, всеми отвергнутого и преданного героя – напротив, он ищет дружбы среди других, как он, пленных, и находит ее; кроме того, у пленника на Севере есть возлюбленная, которую герой не желает предавать ради благодарности черкешенке. В поэме Лермонтова более детально изображена жизнь черкесов, появляется семья и отношения внутри рода – пространство плена превращается в пространство жизни горцев. В художественном мире подчеркнут контраст – плен и свобода, чужие русские в мире горцев, спокойный умиротворенный строй жизни горцев и тяготы рабства для пленных.

---

² Пушкин А.С. Кавказский пленник: Повесть, 1820-1821 // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. : в 16 т. М. : Изд-во АН СССР, 1937-1959. Т. 4. Поэмы. С. 98-99.

В большом ауле, под горою,
Близ саклей дымных и простых,
Черкесы позднею порою
Сидят – о конях удалых
Заводят речь, о метких стрелах,
О разоренных ими селах;
И с ними как дрался казак,
И как на русских нападали,
Как их пленили, побеждали.
Курыт беспечно свой табак,
И дым, вивясь, летит над ними,
Иль, стукнув шашками своими,
Песнь горцев громко запоют.

В сравнении с поэмой Пушкина, более детализированы быт природы, более драматичен финал: умирают оба героя. По новому развивается ситуация пленения: в поэме Пушкина «Кавказский пленник» героем становится один захваченный русский; в поэме Лермонтова в плену оказывается группа людей. В описаниях Кавказа по-особому соотнесены горная и водная стихии. Реализация мужского и женского начал возникает через их соотношение. Черкешенка связана с водой: смеющейся и поющей красавицей у реки она появляется в первой главе и затем в финале погибает в водной стихии. Русский пленен в горах и заканчивает свою жизнь в пещере. Идиллические черты, которые были отмечены в описании горского мира, разрушены финальным убийством, совершенным по законам мести.

В развитии поэмого сюжета горы не противопоставлены миру цивилизации, за исключением одной детали – казаки живут на холмах, а черкесы в горах как привычном для них пространстве. Но именно пленный русский у Лермонтова, как и у Пушкина, оказавшись в мире патриархальном, восхищенным взглядом смотрит на открывающуюся панораму. За его оценками наиболее ощутима традиционная для романтической поэмы близость центрального героя и автора.

Развитие кавказского сюжета продолжается в творчестве Л.Н. Толстого. В рассказе «Кавказский пленник» происходит заметная трансформация узловых моментов сюжета и описаний. В основу повествования кладется воссоздание военных будней и военных законов. Сюжет произведения основан на обыденных событиях и лишен романтического пафоса: герой едет проведать мать, но попадает в плен из-за предательства попуччика. Появляется мотив выкупа за пленного, основанный на меркантильном интересе горцев, что трудно представить в тексте Пушкина или Лермонтова. Задается новый взгляд на пленни-

ка – взгляд кавказцев, восхищающихся смекалкой и смелостью русского как чужого.

«Переводчик говорит:

– Он тебе велит домой письмо писать, чтобы за тебя выкуп прислали.

Как пришлют деньги, он тебя пустит.

Жилин подумал и говорит:

– А много ли он хочет выкупа?

Поговорили татары; переводчик и говорит:

– Три тысячи монет.

– Нет, – говорит Жилин, – я этого заплатить не могу.

Вскочил Абдул, начал руками махать, что-то говорит Жилину – всё думает, что он поймёт. Перевёл переводчик, говорит:

– Сколько же ты дашь?

Жилин подумал и говорит:

– Пятьсот рублей.

Тут татары заговорили часто, все вдруг. Начал Абдул кричать на красного, залопотал так, что слюни изо рта брызжут.

А красный только жмурится да языком пощёлкивает.

Замолчали они, переводчик говорит:

– Хозяину выкупа мало пятьсот рублей. Он сам за тебя двести рублей заплатил. Ему Кази-Мугамет был должен. Он тебя за долг взял. Три тысячи рублей, меньше нельзя пустить. А не напишешь, в яму посадят, наказывать будут плетью.

“Эх, – думает Жилин, – с ними что робеть, то хуже”.

Вскочил на ноги и говорит:

– А ты ему, собаке, скажи, что, если он меня пугать хочет, так ни копейки ж не дам, да и писать не стану. Не боялся, да и не буду бояться вас, собак.

Пересказал переводчик, опять заговорили все вдруг.

Долго лопотали, вскочил чёрный, подошёл к Жилину.

– Урус, – говорит, – джигит, джигит урус!

Джигит по-ихнему значит “молодец”³.

Жилин предельно далек от разочарованного романтика, искавшего идеал свободы среди горцев. У него хорошие семейные отношения, стабильная военная служба, офицерское звание. Взгляд героя на плен – реальный, отсюда следует описание деталей побега и изображение психологии персонажей. Вместо любовной коллизии появляется детское любопытство Дины, которая начинает жалеть пленников. У искренней любознательной девочки проявилась доброта, теплота отношения к пленному. Таким образом, «Кавказский пленник» Толстого представляет собой развитие сюжета о кавказском пленнике в русле

---

³ Толстой Л.Н. Кавказский пленник // URL: <http://tululu.org/read67067/4>.

реалистической поэтики. Толстовский рассказ отразил изменения реально-исторической ситуации: русские-захватчики уже длительное время оказывают влияние на обороняющихся кавказцев, вторгнувшись на их территорию, меняется и отношение к событиям автора-творца.

Таким образом, развитие кавказского сюжета в творчестве Толстого направлено на его прозаизацию.

В «Кавказском пленном» В.С. Маканина, связанного с постмодернистским отношением к классике, происходит разрушение поэтики классического сюжета о кавказском пленнике. Изменяется название, в котором находит свое отражение общая тенденция всего повествования к пассивности и вялой текучести: имя существительное с суффиксом -ик- и значением «лица по свойству или признаку, которые определяют его отношение к предмету, занятию» сменяется на имя прилагательное с суффиксом -н- со значением атрибутивности. Трансформируются базовые компоненты сюжета:

1) пленник не русский, а кавказец. Само понятие «пленный» претерпевает изменение, включая следующие коннотации: пленный русский в горах Кавказа, вынужденный поступать в соответствии с установленными правилами поведения; пленный на своей родной территории кавказец; пленная душа в тисках обыденного времени; плененная обыденностью и пустотой красота;

2) механизм военных действий изображен как абсурдный, поскольку представитель враждебной стороны поставляет противнику оружие. В «Кавказском пленном» Маканина нет места героическому пафосу войны, поскольку смысл военных действий теряется, нет и эстетизации воинской чести – война превращается в обыденную текучесть времени и действий. Стираются границы между русскими и кавказцами – все солдаты, которые в определенных обстоятельствах способны сосуществовать мирно, испытывать дружеские чувства друг к другу – при необходимости готовы убить объект привязанности не раздумывая;

3) любовный сюжет не приводит к спасению или бегству. Инверсия фабульных ролей для русского и кавказца отмечается и в этом аспекте: помочь бежать должен русский, но вместо помощи он убивает пленника, защищая себя;

4) традиционное для русского восхищение экзотическим кавказским миром заменяется мотивом красоты как уникальным моментом прозрения героя, приводящего его к экзистенциальному мироощущению, которое не имеет какого-либо продуктивного финала. Поэтому возникает мотив поруганной, бесполезной красоты, не имеющей силы реально изменить ситуацию:

«Каждый раз, собираясь послать на хер все и всех (и навсегда уехать домой, в степь за Доном), он собирал наскоро свой битый чемодан и... и оставался. “И что здесь такого особенного? Горы?...” – проговорил он вслух, с озленностью не на кого-то, а на себя. Что интересного в стильной солдатской казарме – да и что интересного в самих горах? – думал он с досадой. Он хотел добавить: мол, уже который год! Но вместо этого сказал: “Уже который век!...” – он словно бы проговорился; слова выпрыгнули из тени, и удивленный солдат додумывал теперь эту тихую, залежавшуюся в глубине сознания мысль. Серые замшелые ущелья. Бедные и грязноватые домишки горцев, слепившиеся, как птичьи гнезда. Но все-таки – горы?! Там и тут теснятся их желтые от солнца вершины. Горы. Горы. Горы. Который год беретит ему сердце их величавость, немая торжественность – но что, собственно, красота их хотела ему сказать? зачем окликала?»⁴;

5) в тексте активно развивается мотив предательства – абсолютно все, так или иначе, предают друг друга, общечеловеческие ценности.

Отметим, что Маканин намеренно вбирает весь комплекс мотивов русской литературы, связанных с кавказским сюжетом: не только пушкинские, лермонтовские, но и не слишком часто повторяющиеся мотивы, отмечаемые у Толстого – поврежденная нога, захват пленного «между делом»; двое русских, отправляющихся в путь; образ порванной, локутной рубахи; стоптанных ног в сапогах; транспортировка товарища на себе; укрытие от черкесов-татар в кустах.

В описаниях Лермонтова и Маканина особое место занимает образ горы, в ее изображении присутствует мифопоэтическое начало.

В произведении Лермонтова миф о горе имеет бинарную структуру. Двойственность поддерживается на внешнем и внутреннем композиционном уровне: в системе персонажей – русские, черкесы; свободные, пленники; в наличии двух глав; в двойственности состояния героев – что для одного свобода, для другого – плен; аналогично с победой и проигрышем.

В произведении Маканина пространство гор противопоставлено пространству равнин («равнинная душа») и долин («Долины ваши, горы наши», – говорит Алибек в разговоре с Гуровым.). Гора связана с мотивом укрытия, спасения: «Скала была тем и спасительна, что давала услышать и загодя разминуться». Однако в повести, образ горы амбивалентен. Предполагая спасение, она несет гибель для своего же коренного жителя.

---

⁴ Маканин В.С. Кавказский пленный // URL: <http://lib.ru/PROZA/MAKANIN/makanin.txt>

Интересным элементом, новым для мифологемы горы русского кавказского мифа является наличие множества троп, дорог. Однако дорога у Маканина только симулирует динамику и перемещение, по факту же это блуждание по пространству Кавказа, из которого нет выхода уже много сотен лет.

Если у Лермонтова мифологема горы обладает такой структурой, что каждый уровень обозначается, как позитивный или негативный по отношению к сакральному знанию из высшего мира, то у Маканина таковой структуры нет. Мир сугубо реалистичный и практический – открытое/закрытое пространство, с точки зрения удобства ведения военных действий. Семантика сакральности по сути нивелируется, поскольку Рубахин, хотя и обретает в какой-то момент прозрение о состоянии мира, о роли Кавказа в жизни русских военных многих поколений, тем не менее он осознает, что окружен горами, что они не отпускают его, насильно удерживая: «Он лежал на спине — глядел в небо, а слева и справа (давя на боковое зрение) теснились те самые горы, которые обступили его здесь и не отпускали». То есть деятельный поступок после прозрения не совершается.

Таким образом, сюжет о кавказском пленном является актуальным сценарием для русского сознания в развитии русско-кавказской истории. Его реализация и насыщенность компонентного состава полностью зависят от авторской концепции и литературного направления, к которому автор принадлежит. В романтизме (Пушкин, Лермонтов) доминантой является разочарованный беглец и идеал свободного естественного мира, в реалистической парадигме (Толстой) – бытописание войны и военных действий; в постмодернизме (Маканин) акцент смещается на бессмысленность войны, бегства, человеческих отношений и действий как главная характеристика художественного мира-реальности. Однако базовыми для каждого автора являются такие черты, как: плен, любовный сюжет, честь, побег/выкуп, восхищение красотой кавказского мира, – которые либо насыщаются конкретным содержанием, либо трансформируются и исключаются из повествования и сам факт отсутствия является смыслообразующим элементом.

Вектор развития и трансформации кавказского сюжета динамичен: он включен в художественную картину мира автора; но и относительно статичен, поскольку базовые элементы в нем остаются неизменными, стабильными – отсутствие или сильная трансформация какого-либо из них уже несет в себе определенное художественное значение и воспринимается читателем именно как смыслодержательный акт.